

Кревер Б.А.

Гомельский процесс

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б11

Б11 **Б.А. К.**
Гомельский процесс: Часть 1 / Кревер Б.А. – М.: Книга по Требованию, 2023. – 601 с.

ISBN 978-5-519-91029-3

ISBN 978-5-519-91029-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сѣдателя,—объясненія ихъ выслушивались съ поскрываемымъ раздраженіемъ, и часто даже обрывались безъ всякаго маломальски серьезнаго основанія. Не меньше раздраженія проявлялъ судъ по отношенію къ евреямъ-свидѣтелямъ. Предсѣдатель допрашивалъ многихъ изъ нихъ явно недружелюбно; прокуроръ позволялъ себѣ надъ нѣкоторыми изъ нихъ насмѣхаться, а защитники христіанъ бросали имъ въ лицо оскорбленія, которыя чаще всего не вызывали со стороны предсѣдателя никакихъ замѣчаній, точно евреевъ иначе и не полагается допрашивать.

Въ залѣ суда, такимъ образомъ, все больше скоплялось недовольства и взаимнаго раздраженія. Стѣсняемые на каждомъ шагу, тѣсно стучась въ дверь, которая вела къ истинѣ, защитники евреевъ и повѣренныя гражданскихъ истцовъ, однако, несли свой тяжелый крестъ съ безпримѣрнымъ мужествомъ и самоотреченіемъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ. Но наступилъ моментъ, когда положеніе ихъ стало совершенно невыносимымъ—это именно тотъ моментъ когда предсѣдатель Особаго Присутствія Судебной Палаты безъ всякаго серьезнаго повода удалилъ присяжнаго повѣреннаго Соколова изъ залы суда,—и то, что должно было раньше или позже случиться, случилось:—всѣ защитники евреевъ и повѣренныя гражданскихъ истцовъ ушли, сложивъ свои полномочія и отказавшись отъ дальнѣйшаго участія въ процессѣ.

Съ этого момента гомельскій процессъ направляется ускореннымъ темпомъ къ предопредѣленному ему концу. Евреи-подсудимые хорошо сознаютъ, что съ уходомъ ихъ защитниковъ, заранее подготовленный ударъ со всею силою обрушится на нихъ, что некому будетъ ни предотвратить его, ни даже ослабить его, но они все-таки настаиваютъ на уходѣ своихъ защитниковъ, а затѣмъ ждутъ этого удара съ гордо поднятой головой, въ полномъ сознаніи своей нравственной правоты. И когда въ залѣ суда одна за другой раздаются тенденціозныя рѣчи двухъ прокуроровъ и человѣко-ненавистническія филиппики защитниковъ христіанъ,—чувствуется, что предъ лицомъ всего цивилизованнаго міра надъ измученнымъ, истерзанымъ еврейскимъ народомъ совершается какое-то безпримѣрное издѣвательство, не имѣющее ничего общаго съ правосудіемъ.

Какъ, однако, ни была тяжела атмосфера, въ которой протекалъ гомельскій процессъ, какъ велики ни были препятствія, мѣшавшія выясненію истиннаго характера гомельскаго погрома, жизнь оказалась сильнѣе всѣхъ преградъ, и судебное слѣдствіе

успѣло раскрыть такую картину вопіющихъ фактовъ и злодѣяній, которые въ состояніи привести людей съ нормальными нервами въ ужасъ и содроганіе.

Перекрестнымъ допросомъ сотенъ свидѣтелей было установлено, что кишиневская драма, потрясая міръ своей безчеловѣчностью и той преступной ролью, которую сыграли въ ней администрація и извѣстная часть мѣстной христіанской интеллигенціи, развязала въ Гомелѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ черты еврейской осѣдлости, самые низменные инстинкты затаенныхъ враговъ евреевъ. Этимъ людямъ казалось, и они очевидно не ошиблись, что послѣ Кишинева незачѣмъ было таить въ себѣ жившую въ нихъ годами жгучую ненависть къ евреямъ,—послѣ Кишинева съ евреями можно безнаказанно дѣлать все, что угодно; и темная сила челоѣконенавистничества начинать въ Гомелѣ проявляться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Юдофобское чиповничество открыто проповѣдуетъ, что евреямъ необходимо вырѣзать, полиція становится по отношенію къ еврейской части Гомельскаго населенія еще болѣе грубой и жестокой, чѣмъ раньше, а разные провокаторы открыто готовятъ въ Гомелѣ повтореніе кишиневской рѣзни. И среди гомельскихъ евреевъ начинаетъ нарастать мучительная тревога... По свидѣтельству многихъ лицъ, въ томъ числѣ и цѣлаго ряда христіанъ, гомельскіе евреи чувствовали, что какія-то незримыя силы готовятъ имъ кишиневскіе ужасы. И нервы у всѣхъ натягиваются до послѣдней крайности... Крикъ, небольшая драка на базарѣ, простая ссора, производятъ страшный переполохъ; всѣмъ кажется, что ужасный день уже пришелъ,—погромъ начался... И молодежь, наиболѣе чуткая и бестрашная, начинать готовится къ самооборонѣ...

Таково было пастроеніе гомельскихъ евреевъ, когда неожиданно 29 августа въ Гомелѣ разыгрались событія, названныя въ обвинительномъ актѣ «русскимъ погромомъ».

Судебное слѣдствіе бросаетъ однако совершенно иной свѣтъ на эти событія. Съ непререкаемой опредѣленностью свидѣтели, не только евреи, но также многіе крестьяне, устанавливають, что ссора лѣсника Шалыкова съ селѣдочницей Малицкой, — кончилась бы обыкновеннымъ полицейскимъ протоколомъ, если бы на Шалыкова не заступились крестьяне, которые съ криками «бей жидовъ», бросились избивать евреевъ лавочниковъ. Были пущены въ ходъ дрючки, клепки

отъ бочекъ и другія орудія... И сильно взволнованные евреи усмотрѣли въ этомъ нападеніи начало столь пугавшаго ихъ погрома; крики «погромъ» собираютъ въ гостинный дворъ массу евреевъ, которымъ, благодаря ихъ многочисленности, удастся прогнать крестьянъ, причемъ нѣкоторые крестьяне оказываются избитыми. Пострадало также не мало евреевъ, но крестьянамъ досталось больше, такъ какъ они оказались въ меньшинствѣ. Таковъ былъ истинный характеръ событія, разыгравшагося въ г. Гомелѣ на базарѣ 29 августа 1903 г.

Этой драки, однако, было достаточно, чтобы громы по призыванію стали усиленно готовить въ Гомелѣ настроеніе для настоящаго еврейскаго погрома. Заработали провокаторы, распуская чудовищные слухи о томъ, что вся семья мѣстнаго купца Петроченко умерщвлена евреями, что демократы собираются вырѣзать семейства желѣзнодорожныхъ рабочихъ, что евреи хотятъ отомстить гомельскимъ христіанамъ за кишиневскій погромъ и т. д., и т. д. Въ воздухѣ замѣтно скопилось погромное электричество... На базарѣ и въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ открыто говорилось о необходимости устроить погромъ, и 30 числа гомельскій полиціймейстеръ получилъ уже отъ помощника пристава Словашевича, служившаго по сыскной части, опредѣленное донесеніе, что желѣзнодорожные рабочіе рѣшили устроить еврейскій погромъ 1 сентября, придравшись къ первому удобному случаю. Полиціймейстеромъ принимаются кой-какія предупредительныя мѣры, но предотвратить погромъ ему не удастся, и 1 сентября въ Гомелѣ начинается оргія убійствъ и грабежей, которая прекращается лишь къ вечеру 2 сентября.

Картина гомельскаго погрома, нарисованная сотнями свидѣтелей очевидцевъ и потерпѣвшихъ, какъ въ микрокосмѣ отражаетъ всѣ тѣ характерныя черты стараго строя, единственно при существованіи которыхъ и мыслимы такіа анархическія, позорныя явленія, какъ погромы. Жандармскій унтеръ-офицеръ распускаетъ среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ провокаторскій слухъ, что евреи рѣжутъ ихъ жепъ и дѣтей, и рабочіе, озлобленные и разъяренные, бросаютъ мастерскія и бѣгутъ на защиту своихъ семействъ. Помощникъ пристава Брвожововскій не пускаетъ въ городъ рабочихъ, предупреждая ихъ, что въ городѣ евреи рѣжутъ русскихъ и что, если они «хотятъ остаться въ живыхъ, имъ необходимо вернуться въ мастерскія»; и рабочіе, и божь того замышлявшіе погромъ, начинаютъ безпощадно громить еврейскіе дома и избивать ихъ обитателей. Полиція съ

злорадствомъ слѣдить за громилами и ничего не предпринимаютъ, чтобы прекратить бойню и грабежъ. Командированные для прекращенія погрома отряды солдатъ или равнодушно смотрятъ на работу громилъ, или часами гонятся за кучками погромщиковъ и никакъ не могутъ ихъ настигнуть; громилы въ это время ломаютъ замки, двери, окна, разрушаютъ дома, грабятъ, убиваютъ; но для солдатъ, которые при другихъ обстоятельствахъ легко справляются съ тысячной толпой, они не уловимы, и въ теченіе 2 дней имъ не удается арестовать ни одного погромщика. Русскіе интеллигенты, за рѣдкими исключеніями, спокойно расхаживаютъ среди громилъ и съ интересомъ слѣдятъ за ихъ работой, точно они давно уже съ нетерпѣніемъ ждали этого спектакля. Жандармскія власти, въ другихъ случаяхъ дѣйствующія съ молниеносной быстротой, — держатся въ сторонѣ отъ этого, какъ будто чужаго имъ дѣла, между тѣмъ какъ громилы съ особеннымъ остервенѣніемъ разбиваютъ дома, гдѣ живутъ «демократы», а полиція съ командою солдатъ все свое усердіе пускаетъ въ ходъ, чтобы изловить возможно больше «демократовъ», точно имъ всѣмъ хорошо былъ извѣстенъ поставленный евреями б. могилевскимъ губернаторомъ Клингенбергомъ и жандармскимъ ротмистромъ Колоколовымъ ультиматумъ: «выдайте намъ всѣхъ демократовъ, и мы вамъ ручаемся, что у васъ не будетъ погромовъ». Евреи демократовъ не выдали, значитъ ихъ слѣдуетъ громить. Ясныхъ признаковъ организаціи погрома, какъ это практиковалось позже, еще нѣтъ, но правдивыя показанія многихъ свидѣтелей приводятъ къ твердому убѣжденію, что и власти, и истинно-русскіе гомельскіе патріоты относились къ погромщикамъ, этимъ слѣпымъ и не-вѣжественнымъ исполнителямъ чьей-то воли извнѣ, съ явнымъ сочувствіемъ, и весь погромъ ими трактовался, какъ нѣкій неизбежный, необходимый актъ возмездія за грѣхи, совершенныя всѣми русскими евреями.

Съ прекращеніемъ погрома въ Гомелѣ, для тамошнихъ евреевъ трагедія далеко еще не закончилась: за физическимъ погромомъ слѣдовалъ еще болѣе страшный разгромъ евреевъ — нравственный. Измученные, разоренные, они жаждали правосудія, они томительно ждали отъ компетентной власти громкаго признанія, что грабить и убивать невинныхъ евреевъ среди бѣлаго дня у васъ въ Россіи нельзя; но это признаніе не было сдѣлано; напротивъ, какъ это выяснилось на процессѣ, гомельскимъ евреямъ готовили новыя тяжкія испытанія.

Послѣ 1-го сентября драка, происшедшая на базарѣ 29 ав-

густа, была совершенно забыта. Какъ на драку посмотрѣла на это событіе полиція, дракой считали его и христіане, и евреи, дракой оно было признано тов. прок. Борисовымъ, прибывшимъ специально для разслѣдованія причинъ безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто 29 августа; всѣ арестованные во время этихъ безпорядковъ были выпущены на свободу. Казалось, что событія 29 августа отошли въ область исторіи; но это только казалось. Кому-то такой естественный оборотъ дѣла показался чуждымъ, и, спустя нѣсколько недѣль послѣ погрома, слѣдственные власти возбуждаютъ новое дѣло о «русскомъ погромѣ», устроенномъ 29 августа въ Гомелѣ евреями. По указанію городскихъ начинаютъ хватать евреевъ направо и налѣво и привлекать ихъ по 269¹ ст. улож. о наказ. Достаточно было городскому указать, что такой-то еврей 29 августа держалъ палку въ рукѣ и былъ въ толпѣ на базарѣ или что такой-то кричалъ: «на базарѣ погромъ, помогите», чтобы этихъ несчастныхъ тотчасъ же заключили въ тюрьму по обвиненію въ томъ, что они участвовали въ «русскомъ погромѣ». Слѣдственная власть заработала такъ, какъ она только умѣетъ работать по указанію свыше. Въ какомъ направленіи велось слѣдствіе и какъ оно велось, достаточно подробно выяснилось во время процесса; свидѣтелей евреевъ допрашивали явно пристрастно, многого изъ того, что они показывали, не записывали, несмотря на ихъ требованія; евреевъ подсудимыхъ опознавали съ нарушеніемъ основныхъ требованій, установленныхъ закономъ; ихъ вызывали и предъявляли свидѣтелямъ, пазывая ихъ по фамиліи; конечно, свидѣтели узнавали въ нихъ тѣхъ, кого имъ слѣдовало узнавать. За то свидѣтелей христіанъ допрашивали совершенно иначе; съ ихъ словъ записывали самыя нелѣпыя вещи, если только ихъ показанія были направлены противъ евреевъ. Солдатъ допрашивали по нѣсколько человѣкъ одновременно, не разъ въ присутствіи ихъ начальниковъ офицеровъ. Многіе важные факты, которые могли бы бросить истинный свѣтъ на гомельскія событія, игнорировались и не выяснялись. Такъ, 29 августа полицеймейстеромъ былъ на базарѣ арестованъ христіанинъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ запустилъ въ Ципу Цейтлинъ не то камнемъ, не то бутылкой; изувѣченную Цейтлинъ отвезли къ доктору, а виновника въ участокъ; однако, судебный слѣдователь не только не привлекъ это лицо въ качествѣ обвиняемаго, но даже не допросилъ его въ качествѣ свидѣтеля.

Таковъ былъ матеріалъ предварительнаго слѣдствія логшій

въ основаніи обвинительнаго акта. Но составитель обвинительнаго акта пошелъ еще дальше и постарался еще одностороннее нарисовать картину разыгравшихся въ Гомелѣ 29 августа и 1 сентября событій, обходя молчаніемъ и тѣ жизненные факты, которые, помимо воли судебного слѣдователя, прорывались въ показаніяхъ свидѣтелей на предварительномъ слѣдствіи.

И вотъ, гомельскій погромъ со всѣми его ужасами и несчастіями, продуктъ полувѣковой политики произвола и беззаконія и систематическаго развращенія невѣжественной народной массы,—это сочетаніе варварской стихійной жестокости массъ съ тонко рассчитанной на психологію этихъ массъ провокаціей и попустительствомъ, словомъ это потрясающее общественное бѣдствіе, позорящее вотъ уже десятки лѣтъ имя великаго русскаго народа, предстало предъ особымъ присутствіемъ кіевской судебной палаты въ такомъ видѣ, что добросовѣстные очевидцы этого событія съ трудомъ узнали въ прокурорскомъ эскизѣ отраженіе когда то столь чудовищной дѣйствительности.

Передъ судебной палатой стояла высокая и достойная цѣль, съ помощью тысячи вызванныхъ свидѣтелей воскресить печальныя гомельскія событія, установить истинныя причины ихъ возникновенія, открыть инициаторовъ и пособниковъ этого столь серьезнаго преступленія, и дать потерпѣвшимъ хоть ту долю нравственнаго удовлетворенія, которую получаютъ люди, тяжело пострадавшіе отъ извѣстнаго преступленія, когда судъ выноситъ свой справедливый и нелицепріятный приговоръ... Но суду, разсматривавшему Гомельское дѣло, такая задача оказалась не по силамъ.

Этимъ, и только этимъ, объясняется то обстоятельство, что кіевская судебная палата обращалась съ потерпѣвшими евреями, какъ съ преступниками, а съ полиціей, явно изблещеной на судебномъ слѣдствіи въ бездѣйствіи власти, какъ съ обвинительницей; что «драка» 29 августа трактовалась, какъ «русскій погромъ», а провокаторская дѣлательность нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ являлась предметомъ, котораго свидѣтелямъ строжайше запрещалось касаться; что всѣ евреи свидѣтели огульно третировались, какъ лжесвидѣтели, а показаніямъ завѣдомыхъ лжесвидѣтелей, извѣстныхъ въ Гомелѣ городскихъ и жандармовъ, придавалось значеніе абсолютно достовѣрныхъ. Но высшимъ проявленіемъ правосудной дѣятельности судебной палаты слѣдуетъ признать вынесенный ею приговоръ—эту безсмертную страницу изъ исторіи русскаго правосудія, написанную представителями самой юстиціи.

Приговоръ этотъ буквально представляетъ собою сплош-

ной обвинительный актъ противъ еврейскаго населенія г. Гомеля и сплошную защиту полиціи и войска отъ сыпавшихся на послѣднихъ со стороны сотенъ свидѣтелей обвиненій въ преступномъ бездѣйствіи и попустительствѣ. Одинъ только свидѣтель христіанинъ и полицейскій подвергается въ приговорѣ суровому порицанію и осужденію,—это полицеймейстеръ Раевскій, который позволилъ себѣ описать гомельскія событія въ такомъ видѣ, въ какомъ они дѣйствительно происходили. И этого драгоценнаго свидѣтеля, который при желаніи палаты могъ бы вскрыть всю внутреннюю сущность гомельскаго погрома, который могъ бы указать и главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и подстрекателей, пособниковъ и попустителей,—приговоръ многократно оскорбляетъ, дискредитируетъ, чуть ли не клеймитъ позорнымъ именемъ лжеца, явно выгораживая всѣхъ тѣхъ, кого Раевскій своими показаніями на судебномъ слѣдствіи успѣлъ пригвоздить къ позорному столбу предъ лицомъ всего міра.

Съ удивительнымъ стараніемъ приговоръ пытается изобразить гомельскихъ евреевъ, разумѣя всѣхъ евреевъ, какъ истинныхъ виновниковъ погрома, какъ людей, другой участи не заслуживающихъ, фатально подготовляющихъ для себя самихъ такіа бѣдствія, какъ погромы. И вотъ драка 29 августа разсматривается въ немъ какъ «рѣшимость гомельскихъ евреевъ приступить самимъ къ нападкамъ надъ христіанами, какъ для отмщенія за пострадавшихъ своихъ соплемянниковъ и единовѣрцевъ города Кишинева, такъ и показать свою сплоченность и силу дабы отбить у христіанъ охоту учинить еврейскій погромъ въ Гомелѣ». Ставъ на такую предвзятую точку зрѣнія, палата дѣлаетъ цѣлый рядъ неправильныхъ выводовъ. Для нея уже не остается сомнѣнія «что скопище евреевъ (изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ) было движимо единою задачей избіенія христіанъ», что даже «тѣ интеллигенты евреи, которые находились на мѣстѣ беспорядковъ (29 августа) видимо сочувственно относились къ этой цѣли». «Никакой драки со стороны христіанъ въ дѣйствительности не было»... и изувѣченна Ципа Цейтлинъ и другіе пострадавшіе евреи «вѣроятно же всего сдѣлались жертвами насилия со стороны евреевъ».

И все это пишется послѣ того, какъ показаніями десятковъ свидѣтелей было установлено, что 29 августа на базарѣ была драка, что эту драку начали крестьяне, съ которыми городовые ничего не могли подѣлать; послѣ того, какъ полицеймейстеръ Раевскій самъ арестовалъ христіанина, изувѣчивъ

шаго Ципу Цейтлинъ, послѣ того, какъ десятки же свидѣтелей показали, что врачи-евреи и другіе интеллигенты-евреи все время успокаивали возбужденную еврейскую толпу, а полиціимейстеръ Расвскій удостовѣрилъ, что только благодаря моральному воздѣйствію евреевъ-интеллигентовъ на толпу, ему удалось весьма скоро и безъ помощи суровыхъ мѣръ водворить въ городѣ полный порядокъ.

Разъ направивъ свой путь по наклонной плоскости, палата не могла уже не докатиться до самаго дна, и если драка 29 августа ею представлена, какъ свирѣпый «русскій погромъ», то еврейскій погромъ 1 сентября изображенъ ею въ такихъ мягкихъ тонахъ, точно это была небольшая лѣтняя идилия. Полиція свято исполнила свои обязанности, войска были на высотѣ своей задачи; громилы вовсе не думали устраивать погрома, а вышла вся эта непріятная исторія невзначай, по винѣ самихъ евреевъ. Что же касается того, что въ день 1 сентября было разгромлено нѣсколько сотъ домовъ, звѣрски убито нѣсколько евреевъ, а масса ихъ изувѣчена и избита, то это просто несчастный случай — результатъ наглаго и вызывающаго поведенія самихъ евреевъ.

Таково основное содержаніе приговора по гомельскому дѣлу. Передъ этимъ памятникомъ нашей печальной эпохи будущій историкъ, безъ сомнѣнія, остановится съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ чувствомъ ужаса и скорби. Сопоставляя матеріалы судебного слѣдствія съ выводами, сдѣланными въ судебномъ приговорѣ, онъ увидитъ въ послѣднемъ документѣ нѣчто гораздо большее, нежели это хотѣли выразить его составители. Онъ прочтетъ въ немъ приговоръ самый безжалостный и строгій, произнесенный нашимъ судомъ надъ режимомъ эпохи Пловъ, онъ найдетъ въ немъ матеріалъ для осужденія самого тогдашняго суда. И сравнивая глубоко трагическія страницы матеріаловъ судебного слѣдствія съ невѣроятными выводами, сдѣланными палатой въ приговорѣ, этотъ историкъ скажетъ своимъ современникамъ: «вотъ вамъ самое яркое, неопровержимое доказательство того, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ у насъ свободы, равноправія гражданъ, представители власти будутъ бевнаказанно попираеть законы и до тѣхъ поръ не можетъ быть ни истинной гражданственности, ни истиннаго нелицепріятнаго суда».

М. К.

Дѣло о Гомельскомъ погромѣ.

11 октября открылась въ г. Гомелѣ выѣздная сессія для разбора дѣла о безпорядкахъ, происходившихъ въ г. Гомелѣ 29-го августа и 1-го сентября 1903 г.

Засѣданія происходятъ въ зданіи городского общественнаго управленія. Прилегающія улицы охраняются усиленными нарядами полиціи и военными патрулями. Входъ въ зданіе, гдѣ заседаетъ палата, для подсудимыхъ и свидѣтелей допускается по особымъ билетамъ; для публики отведено до 30 мѣстъ, которыя берутся съ бою.

Составъ особаго присутствія палаты слѣдующій: председательствующій—предсѣдатель департамента Н. А. Котляревскій; члены палаты: П. А. Арляковъ, П. А. Карпенко и С. А. Нордштейнъ; сословные представители: гомельскій уѣздный предводитель дворянства Савицкій, гомельскій городской голова Романовъ и волостной старшина.

Обвиняютъ: тов. прокур. кievской суд. палаты Рыжовъ и н. об. тов. прокурора той же палаты, тов. прокур. кievскаго окружнаго суда Н. П. Коленко.

Защищаютъ подсудимыхъ евреевъ: М. И. Гапфманъ, М. А. Кроль и Н. Д. Соколовъ (изъ Петербурга), М. Л. Мандельштамъ (изъ Москвы), Л. А. Куперникъ и М. Б. Ратнеръ (изъ Кіева) и С. Е. Кальмаповичъ (изъ Саратова); подсудимаго еврея Слезингера защищаютъ: Л. А. Базуновъ (изъ Петербурга) и М. А. Эльзшевъ (изъ Гомеля).

Подсудимыхъ христіанъ защищаютъ: С. В. Метакса, Д. А. Ногожевъ и А. С. Шмаковъ (изъ Москвы), Е. А. Бринкеиъ

(изъ Гомеля) и, по назначенію, старшій канд. на суд. должность Паптелёвъ.

Для защиты евреевъ, не подавшихъ заявленій объ избраніи защитниковъ, былъ назначенъ старшій канд. на суд. должность Александровъ. Въ первомъ засѣданіи евреи подсудимые заявили, что они отъ казеннаго защитника отказываются; несмотря на это, председатель не считъ возможнымъ освободить г. Александрова отъ возложенныхъ на него обязанностей на случай «могущихъ произойти измѣненій въ составѣ защиты». Со стороны потерпѣвшихъ евреевъ предъявлены къ подсудимымъ христіанамъ гражданскіе искъ, которые поддерживаются: М. М. Винаверомъ, А. С. Заруднымъ и Г. Б. Слюзбергъ (изъ Петербурга), А. Д. Марголинымъ (изъ Кіева) и І. З. Красильниковымъ (изъ Гомеля).

Свидѣтелей какъ со стороны обвиненія, такъ и защиты вызвано около 1000 человекъ. Почти весь день 11 октября былъ посвященъ провѣркѣ явившихся свидѣтелей и распредѣленію ихъ на группы. Подсудимыхъ евреевъ 36 человекъ, изъ коихъ 9 находятся подъ стражей (безусловно); подсудимыхъ христіанъ 44 чел., изъ которыхъ подъ стражей 2 (за непредставленіемъ залога).

При самомъ открытіи засѣданія было доложено прошеніе прис. пов. А. С. Заруднаго, который просилъ о признаніи гражданскимъ истцомъ подсудимаго еврея Добкина, который 1 сентября въ день погрома потерпѣлъ имущественный ущербъ отъ насильственныхъ дѣйствій скопца, состоявшаго изъ христіанъ. Палата признала Добкина истцомъ по отношенію къ сообвиняемымъ христіанамъ, а А. С. Заруднаго его повѣреннымъ. Одновременно съ этимъ тотъ же подсудимый Добкинъ заявилъ с. палатѣ, что онъ избралъ своимъ защитникомъ того же прис. повѣр., А. С. Заруднаго. Палата допустила послѣдняго къ защитѣ, и такимъ образомъ, А. С. Зарудный выступаетъ въ процессѣ одновременно представителемъ гражданского истца и защитникомъ.

12 октября особое присутствіе обсудило просьбу о вызваніи 130 свидѣтелей, въ числѣ коихъ находится значительное число офицеровъ и нижнихъ чиновъ Абхазскаго полка, отправленныхъ на Дальній Востокъ. Повѣстки такимъ свидѣтелямъ посылались лишь на мѣста прежней службы. Не соглашаясь съ заключеніемъ прокурорскаго надзора о томъ, что язка